

ГОЛОД

Маша с двумя тяжёлыми пакетами устало садится на приподъездную лавочку рядом с двумя пенсионными тётушками. Одна тётушка в берете, кружевных перчатках и респираторе, другая - в тёмном платке, строгом лице и в валенках. Которая в берете пронзительно вежливствует:

- Машенька, нельзя же так. Вам же ещё рожать, а вы так надрываетесь.

В валенках парирует:

- Да они разве рожают? Вот мы рожали так рожали - по пять детёнок каждый год: трёх в феврале и двух в декабре. Кажинный год. А эти только ебстись и могут, пустопорожние.

- Что значит, "только ебстись"? - возражает беретовообразная. - У Машеньки сыночек растёт, Юрочка. Он с Володей у тебя сейчас? Садики-то закрыты.

- С Володей, - вздыхает Маша. - Месяц уже дома сидят. Хорошо, мужу удалёнку позволили, а то как бы нам с моими дежурствами?

- "Удалёнку", - как бы нейтрально отмечает валенковая. - Разведёнку не хошь? Люську из третьего подъезда знаешь? Ну и вот.

- Ой, тётя Лена, - привычно отмахивается Маша. - Вы мне эту Люську со второго класса. Лишь бы на людей наговаривать.

Тётя Лена поджимает губы, подтягивает валенки. Беретка достаёт зеркало, снимает маску, красит губы. Помада хищно проступает сквозь голубую ткань.

Маша закуривает.

- Сигаретку-то дай, - примиряюще просит тётя Лена. - От Вики же хуй допросишься.

- У тебя пенсия больше моей, - поправляет берет Вика. - Стыдно тебе, Лена.

- Берите, - Маша протягивает пачку.

- А раньше ведь не курили женщины, - довольно шевелит валенками и выпускает дым ноздрями Лена. - Не мужики какие были чтоб курить. Блюли себя.

- И много ты себя наблюдаюла? - Виктория презрительно стряхивает пепел в урну.

- Да побольше тебя, сучки.

- У меня хоть кобели породистые были, а у тебя сплошь дворовые да караульные.

- Знаешь что?

- Знаю.

Все молчат, курят. На третьем этаже открывается окно, в которые выглядывают Володя и Юрик.

- Мама! - радостно кричит ребёнок. Маша улыбается ему, машет рукой.

- Ты котлеты сегодня обещала, - напоминает Володя. - Будут котлеты?

- Мясорубку закрыли на профилактику, Вов, - грустно отвечает Маша. - На две недели. Объявление висит.

- Пойду я, - ворчливо замечает скандальная соседка в валенках.

- До свиданья, тётя Лена, - говорит Маша в спину открывающей дверь в подъезд соседке.

- Мама, я котлет хочу! - на весь двор канючит Юрик.

- Да будут тебе котлеты, сынок, - отвечает мама.

- Ну что ж, - снимает маску тётя Вика. - Значит вот так. Ну что ж.

- Да, тётя Вика, вот так.

- Ладно. Что ж.

- Вова! - настойчиво-умоляюще обращается к скрывшемуся в окне мужу Маша.

- Ишу, сейчас! - из глубины квартиры доносится голос мужа. Юрик смотрит в темное пространство жилого окна, хнычет: "Я не брал. В комод, может".

Володя выглядывает из окна с двустволкой:

- Не знаю я, где картечь! Юрка сегодня играл, была. Задевал куда-то. Семёрка только.

- Как маленький. Они рябчики тебе, что ли?

- Ну, нету если.

- Какой ты у меня, всё-таки.

- Какой есть. Пойдём, малыш.

Володя с Юрой обиженно закрывают окно.

- Что ж, - бесстрастно говорит соседка в берете. - Что ж.

Маша роется в сумочке, достает финский нож.

- Ты знала, тётя Вика. Хуле теперь.

- Понимаю, Маша.

Маша смотрит на соседку странным взглядом.

Через паузу камера медленно осматривает обычную пятиэтажку персонажей, раздвигает панораму разрушенного города с редкими целыми многоэтажными зданиями, возвращается, фиксируется на пакете, из которого сочится свежая кровь.

Где-то вдалеке тихо подвывает полицейская сирена. Открывается и закрывается дверь подъезда, в которую уплывает истекающий кровью плотный, жирный пакет.

Слышен голос Володи: "Маша, ну ты где? Мы ждём же".

ЖИДКОСТЬ

В продуктовом пустовато и удачно прохладновато. Между стеллажей медленно везёт тележку Николай, наполняя её нехитрым набором ежедневной снеди.

Рассматривает полторашку минералки, спрашивает у раскладывающей товар мерчендайзерки:

- А без газа есть?

- На нижней полке, - равнодушно кивает торгработница.

- Ага, спасибо.

Николай берёт бытылку из ряда ей подобных, убеждается в верности выбора, выдвигается к кассе, выкладывает приобретения. Кассирша привычно отбивает товар, привычно предлагает пакет. Николай отказывается, достаёт из кармана свой, перекладывает в него покупки и выходит в атмосферу раскалённого городского асфальта.

Перед дверью квартиры ищет ключи, не находит, нажимает кнопку звонка.

Дверь открывает супруга со шваброй в руках, утирает пот со лба:

- Опять забыл.

- В куртке оставил, Наташ. Холодно же вчера ещё было.

- Не топчи. Здесь разуйся.

Николай проходит на кухню, выкладывает покупки в холодильник. Открывает минералку, намереваясь залить жажду из горлышка.

- стакан возьми, - делает привычное замечание вошедшая жена. - И мне налей.

Жара сегодня невозможная.

Супруг достает из настенного шкафчика два стакана, наливает воду, собирается убрать бутылку в холодильник. За спиной слышит испуганный хрип:

- Что это?

Наташа безумными глазами смотрит на Николая. Срывается к раковине, лихорадочно полощет рот. По свежевывытому полу расплывается выплюнутая жидкость.

- Что, Наташа, что?! - паникует Николай.

- Отрава. Горит всё, - не отрываясь от крана, прерывисто отвечает супруга.

- Я сейчас, я скорую, - Николай лихорадочно хлопает себя по одежде. - Телефон где?

Наташа машет рукой в сторону комнаты. Николай выбегает, возвращается с мобильником:

- Как сейчас скорую вызывают-то? Номер какой?

- Не помню я. Подожди, вроде не жжёт уже.

Наташа берет со стола зеркало, рассматривает полость рта.

- Кажется, нормально. И главное, запах такой знакомый, противный. Ты куда ходил?

- В "Магнит".

- Понятно. Начали уже людей травить. Централизованно. Не нужны им люди.

- Я в милицию сейчас. Как в милицию звонить?

- Да не знаю я.

Раздаётся дверной звонок. Николай спешит открыть, возвращается с соседом.

- Вот, Женя. Ты же химик. Наташа глоток сделала.

- Не сделала, не успела, - уточняет супруга. - Здравствуй, Женя.

- Привет. Я, собственно, за солью, - слегка ошеломлённый неожиданной ситуацией, Евгений берёт в руки бутылку минералки. - Отсюда?

- Ну да, - кивает Николай. - Только что из магазина принёс.

Евгений принохивается к пустому стакану, из которого пила Наташа, осторожно наливает в него немного жидкости, протягивает другой стакан Николаю:

- Воды налей.

Николай исполняет указание специалиста. Евгений завинчивает бутылку, делает ею вращательные движения, смотрит на образовавшуюся воронку внутри.

Супруги наблюдают за манипуляциями соседа.

- Ну что? - спрашивает Наташа.

- Сейчас, - отвечает Евгений. И залпом выпивает из стакана жидкость неизвестного происхождения, запивает водой.

- Ты зачем? - испуганно спрашивает Николай.

- Учёный должен всё проверять на себе. Как Пастер.

- Ты же школьный учитель, - неуверенно замечает Наташа.

- Учитель тоже человек, - не соглашается Евгений.

Некоторое время все молчат. Евгений отслеживает секундную стрелку на наручных часах. Затем наливает жидкость в стакан, повторяет опыт.

- Наташа, сделай бутерброд какой-нибудь, - просит естествоиспытатель.

- Сейчас. С маслом и сыром пойдёт?

- Да без разницы.

Мужественный педагог еще раз наливает испытуемую жидкость в стакан, аккуратно добавляет в него воды, выпивает, жуёт бутерброд. Наконец выносит вердикт:

- Спирт.

- Да ты что? - облегчённо выдыхает Николай.

- Железно. Сам можешь проверить.

- Точно?

- Точно.
  - Коля, - строго говорит Наташа.
  - Так ты раньше уже попробовала. Теперь и мне нужно.
  - Ладно, всем мы на стрессе. Я тоже буду, только рюмки достану. Картошку пожарю быстренько с мясом, суббота всё же.
- Через пару часов за окном уже стемнело. На кухне уютно горит лампа под вытяжкой, невнятно бормочет телевизор. На столе еденная закуска, ополовиненная полторашка. Николай в десятый раз повторяет историю:
- И главное, я у неё спрашиваю: "Без газа есть?" А она мне прямо вот эту самую бутылку в руки подаёт. "Есть, - говорит, - пейте на здоровье". А сама смотрит так, даже не знаю как. Мне бы подумать, чего она так смотрит.
  - Спаивать решили русский народ, - убеждённо прерывает Наташа. - Совсем уже ничего не боятся. Диверсия натуральная. Как спирт мог в бутылку минералки попасть? Ну как? Ответь мне, Женя.

- Не знаю я. Подожди.

Евгений добавляет громкости в телевизоре, где вещает диктор: "В связи с наступившей жарой, во многих регионах жители раскупают минеральную воду в запредельных объёмах. Правоохранительные органы сообщают о беспорядках, спровоцированных в очередях несознательными паникёрами. Власти Иркутской, Смоленской, Воронежской областей, а также Красноярского края сообщают о возможном введении лимита продаж минеральной воды. Правительство уже выступило с законодательной инициативой, предусматривающей уголовную ответственность за умышленное создание дефицита жизненно необходимой населению питьевой жидкости. А сейчас к новостям спорта".

Евгений убирает громкость, наливает рюмки.

- В принципе, это мог быть и метиловый спирт.
- Так как же ты тогда? - запоздало пугается Николай.
- Не знаю. Не подумал как-то.
- Если не спаивают, то травят, - резюмирует Наташа.
- Трудно спорить, - соглашается Евгений.

Камера крупно берёт этикетку "Минеральная вода. Без газа". Наташа забирает со стола бутылку, ставит её в холодильник.

S.O.S

Литературный критик Гремчуков ужинает в приличном кафе, просматривает журнал. «Это невозможно, - крутится в голове критика традиционная для него мысль. - Это даже не Сорокин, это просто провинциальная графомания... О, еще и аудиокнига».

- Спасите наши уши, - вздыхает вслух Гремчуков, отправляет в организм рюмку перцовой, закусывает наваристым борщом.

- Вы позволите? - не дожидаясь ответа, за стол напротив присаживается мужчина. Мужчина как мужчина — в костюме, в очках и в брезгливом выражении лица.

Гремчуков пожимает плечами и продолжает увлекаться борщом. Мужчина кивает на журнал, как на синюшную бомжиху, которая случайным образом оказалась за столом пищепроизводительного заведения для приличных людей:

- Редкая мерзость этот Браткин, совершенно с вами согласен, Илья Семёнович.
- Мы знакомы? - вынужденно отвлекается от процесса критик. «Лишь бы не прозаик, - выбрасывает мозг короткую молитву. - Хуже прозаиков только поэты. И драматурги».

- М-м... Тут нет однозначного ответа. Да вы кушайте, кушайте, не отвлекайтесь. Нет, я не писатель.

«Ну и чёрт с тобой, если не писатель», - внутренне успокаивается Гремчуков и наливает себе ещё одну рюмку перцовой. Соглашается:

- Исключительное говно. Это я про Браткина.

- Понимаю. Что ж, давайте начинать процедуру спасения.

- Что, простите?

- Будем спасать вашу душу. Поступил сигнал, я должен отреагировать. С недавних пор мы обязаны работать в тесном контакте с подопечными.

Учитывать, так сказать, их пожелания. Клиентоориентированность у нас теперь.

- Понятно. Я сейчас.

Гремчуков встает из-за стола, пытается пройти к администратору кафе, который обязан избавить его от контактов с сумасшедшими, но натывается на невидимую преграду. Несколько раз.

- Да вы успокойтесь, Илья Семёнович, - брезгливо листает журнал мужчина. - Я вам помочь пытаюсь, исполнить безусловное желание.

- Какое еще, нахрен, желание? Вы кто такой вообще?

- Я ваш ангел-хранитель. Если клиент высказывает вслух просьбу о спасении собственной души, - это безусловное желание, обязательное к исполнению. В общем, чем быстрее завершим процедуру, тем быстрее займёмся приятным проведением досуга. Как желаете спастись: через условное покаяние, по подвигу или посредством благотворительного взноса?

- Я никого не просил спасти мою душу. Она вполне комфортно себя ощущает. Будьте здоровы. Официант, счёт, пожалуйста!

- Ну как же, Илья Семёнович. У нас солидная контора, извольте, - достаёт диктофон, включает запись, на которой голос Гремчукова звучит как трубный зов: «Спасите наши уши».

- «Уши», ангел, «уши», а не «души»! - облегченно-визгливо хохочет критик. - Фигура речи, игра слов, шутка! Всё, финита ля комедия, выпускайте меня из вашего пузыря. Ложная тревога.

Ангел тревожно включает запись ещё раз, вслушивается, с его лица исчезает брезгливое выражение, он выглядит растерянным, если не хуже.

- Как же это? - тоскливо глядит на Гремчукова. - Сигнал уже ушёл туда, в сферы. Обратного хода нет, нужно исполнять.

- Что исполнять?! - гремит критик. - Нечего исполнять! Нет желания — нет исполнения!

- Приношу самые глубокие извинения, - потерянно говорит ангел. - Но сигнал зафиксирован, отменить его невозможно.

- Так связывайтесь со своим начальством, делайте что-нибудь! У меня «Зенит» через полчаса играет. Сколько я тут с вами валандаться должен?

- Что ж, придётся, - ангел достает телефон, набирает номер. - Это Верлибр. Тут такое дело... Да, жду.

- Верлибр? - хохочет Гремчуков. - Тебя зовут Верлибр?

- Имена не выбирают, в них живут и вообще, - горестно отмечает мужчина. -

Что в имени тебе моём?.. (в трубку) Да... Вы думаете?.. Виноват... Пожалуй...

Действительно, выход... Конечно, готов... Приму любую меру наказания, вплоть до высшей... Как закончу, сразу к вам... Понимаю.

- Разобрались? Вопрос решён? - вполне злорадно интересуется критик.

- Решён, - вздыхает Верлибр. - Простите, но это единственно возможное решение. Уши.

- Что, уши?
- Вы просили спасти ваши уши. Нам придётся их спасти. Отдельно от вас.
- То есть?
- Обезушить вас. По совести, человеческие уши сами по себе не несут никакой функциональной нагрузки, кроме косметической. Простите.
- Гоголевщина какая-то. Я вам что, майор Ковалёв? Что я дома скажу? На работе? Ушёл с ушами, вернулся без ушей? Как я это всё объясню?!
- О, на этот счёт не беспокойтесь. Всё будет выглядеть самым естественным образом. Прошу еще раз простить. До встречи.

Гремчуков медленно приходит в сознание от громкого голоса «Так, что у нас с литератором, Ольга Андреевна? Как ночь прошла?». Видит склонившихся над ним мужчину и женщину в зелёной медицинской униформе. Выдавливает из себя естественный вопрос:

- Где я?
- В Зеленодольской ЦКБ. Меня зовут Николай Васильевич, я вас вчера оперировал.
- Оперировали?
- Пришлось, э-э, Илья Семёнович. Но вы уж, простите, сами кузнец собственного несчастья.
- Несчастья?
- Назовём это так. Алкоголь — нередкая причина всех наших несчастий.
- Алкоголь?
- Ну ни ситро же вы потребляли на банкете после семинара.
- Семинара?
- Гм. Вы приехали в Зеленодольск на выездной семинар союза писателей. Банкет проходил на правительственной базе отдыха. Вас нашли под утро в сугробе без шапки. А морозы у нас нынче, знаете, под тридцать. Вот и итог.
- Итог?
- Уши. Уши мне вам пришлось ампутировать, да. Операция прошла успешно, выпишем вас дней через десять. Прошу простить, у меня обход. Ольга Андреевна, кто там у нас в третьей палате?

Уходят.

Гремчуков встаёт, подходит к зеркалу, смотрит на отражение плотно забинтованного лица. За спиной критика в зеркале возникает фигура Верлибра. Тот виновато и печально разводит руками.

ЧЕТЫРЕ СЕСТРЫ

Смеркается и за окном идёт дождь. В запотевшее стекло смотрит Андрей, вяло крутя в руках декоративную штучковину неясного предназначения. Курит. В комнату входят его сёстры Маша и Ольга, возбуждённые в хорошем смысле этого слова.

- Ты меня вконец заебла, Оля, - продолжает закадровое возмущение Маша. - Ну вот нахуй тебе эта ебучая Москва?
- Там очень красиво, - меланхолично отвечает Ольга. - Я там, правда, ещё не была, но там очень красиво. Говорят.

Маша слегка по-базарному всплёскивает руками:

- Пиздец какой-то. А здесь, в Мытищах, тебе верблюд насрал? Скажи, Андрей.
- Девочки, не ссорьтесь. Лишь бы не было войны, - чувствуется, что Андрея они обе достали хуже, чем бацька белорусов.

- Да, Андрей, лишь бы не было войны, - соглашается Ольга. - Помнишь, когда ты уходил на фронт, я бежала рядом — единственная, кто не плакал? И сказала: «Вот видишь, какая у тебя будет бесчувственная сестра».

На заключительной фразе тирады в комнату входит Ирина:

- У вас здесь опять Володина дают?

- Хуёдина, - Андрей ожесточённо тушит папиросу. - Водка в этом доме есть?

- Нет, Андрей, - печально отвечает Ольга. - Её же на прошлой неделе Солёный выпил. Всю чекушку.

Ирина правильно воспринимает упрёк в свой адрес:

- Во всем у вас Солёный и Тузенбах виноваты. Да, пьющие. А кто сейчас не пьёт?

- Пили бы своё - нет же, чужое норовят вечно - парирует Андрей. - Женюсь, ей богу женюсь не непьющей. Попрыгайте тогда.

- Да похуй, - не возражает Маша. - Ангелочков нарожаете, будем жить тут все вместе. Военные им марши свои плясать будут. Красиво же.

Все молчат, мечтают.

- Нет, всё же, в Москву, - закрывает паузу Ольга. - Там хорошо, там яблоки.

За спиной Ольги Ирина крутит пальцем у виска, машет рукой, призывая родню не обращать внимания на очередной заскок сестрицы:

- Алиска-то когда вернётся?

- Так приехала же, я слышал, - Андрей кивает на окно. - Машину в гараж ставит.

- Найдёт она его когда-нибудь наконец? - спрашивает погоду за окном Ольга.

- Найдёт, - убеждённо отвечает Маша. - Нахуй упала такая жизнь, если не найдёт. Это будет совсем не честно, не по-людски.

Входит чуть промокшая Алиса.

- Водка есть в этом доме?

Ирина фыркает.

- А, Солёный с Тузенбахом, - понимает Алиса. - Достали меня уже эти ваши прапорщики: то матрасы из казармы принесут ворованные, то водку всю у нас выпьют.

- Козлы, - констатирует Андрей. - Женюсь, ей богу, женюсь.

Алиса остолбенело смотрит на предмет в руках Андрея:

- Это ты где взял?

- В чулане, не антресолях. Папиросы папенькины искал, вот под руку попало.

- Медленно положи на стол. Медленно.

Счастливая догадка озаряет лица сестёр. Маша сдавленно отрывает руки от горла:

- Нашла. Алиска его нашла.

- Нашла? - Андрей непонимающе кладёт предмет на стол. - Что нашла?

Ирина нейтрально констатирует:

- Его. Миелофон.

Алиса заворожённо берёт находку, прижимает её к груди, обводит всех счастливым взглядом:

- Нашла.

- Теперь можно и в Москву, - подводит черту Ольга.

- Теперь точно женюсь, - угрожает Андрей.

- Лишь бы, суко, не было войны, - резюмирует Маша.

Все молчат, смотрят на миелофон. «В Москве двадцать часов ноль-ноль минут», бесстрастно отмечает радио.

ПОЕЗДКА

Валентин выходит из подъезда, достаёт телефон, всматривается в экран, убирает гаджет в карман. Из-за угла дома выезжает такси. Валентин садится на заднее сиденье.

- Добрый день, - здоровается с водителем.

- Здравствуйте. На Хитрый рынок?

- На него.

Машина медленно выезжает из двора, едет по городу.

- Жара какая стоит, - таксист попался из разговорчивых.

- Целый месяц уже, - вежливо отвечает Валентин.

Молчат, едут.

- Это всё Израиль, - делится сведениями из Яндексдзена таксист. - Они первые климатическое оружие изобрели. На нас вот испытывают.

- Наверное.

- Никогда такой жары не было.

- Да, трудно вспомнить.

- Куда, блять?!

На повороте в правое крыло такси въезжает Nissan X-Trail. Прилично так въезжает.

- Живы? - интересуется таксист у пассажира.

- Нормально, - отвечает Валентин. - Поездку отмените, машину мне другую вызовите.

- Сейчас, две минуты, - водитель выходит из такси, направляется к точке контакта. Из японского паркетника тоже выходит автовладелец.

- За сколько права купил? - интересуется таксист.

- Правила учи, я для тебя помеха справа, - парирует водитель.

- Ну, справа. Мог бы пропустить.

- С чего бы это?

- С того. Как не русский.

- Угадал. Не русский.

- Оно и видно, что из этих.

- Из этих.

- Вот и валил бы к себе, поближе к друзьям-арабам.

Валентин выглядывает из окна:

- Давайте вы мне машину вызовете, а потом разбираться тут будете.

- Сейчас. Только пархатому этому объясню.

- Да, сейчас, - успокаивающе кивает Валентину тот, который из этих. -

Пархатый, говоришь? Христа, значит, мы продали и кровь его младенцев пьем?

- Каждому известно.

- Ладно.

У пархатого глаза загораются красно-желтым цветом, удлиняются уши, вырастают клыки и он изменившимся лицом вырывает зубами горло у таксиста.

Жадно пьет христианскую кровь. Оборачивается к окружающим свидетелям ДТП:

- Кто ещё хочет комиссарского тела?

Толпа разбегается в ужасе. Кровожадный нерусский возвращается в исходное физическое состояние, подходит к Валентину, берет его окровавленными руками за голову, целует в губы. Спокойно замечает:

- Зря вы не верили. Всё так и есть. Только доказательств у вас нет и не будет.

Раздаётся странный звук, участник ДТП растворяется в воздухе. Вместо него у машины голосит немолодая пышногрудная крашенная блондинка:

- Ой, мамочки! Полицию зовите! Псих, псих, псих! - тычет пальцем в Валентина. Тот видит в зеркале свое окровавленное лицо. Нарастает приближающийся звук полицейской сирены.

ЛИНИЯ СМЕРТИ

Сергей пьёт пиво в баре, посматривает на часы. Подходит Евгений, снимает плащ, кладёт на соседний стул. Сергей выразительно постукивает пальцем по наручному циферблату.

- Дедлайн нарушил? - усмехается Евгений.

- Привыкай не нарушать, - серьёзно отвечает Сергей.

- Там так строго, что ли?

- Крайне строго. То есть, как нигде.

- Ладно, учту. Какое пьёшь?

- «Крюгер» светлое.

- Тогда я тоже. Девушка!.. Ладно, давай поподробнее про эту редакцию. Чего ты в ней не задержался-то?

- Ну, там... В общем, были причины. Да и проект вот новый подвернулся, интересный. Нет, не жалею.

- Как платят?

- Хорошо там платят, регулярно. В этом смысле полный шоколад.

- А в чём подвох?

- Редактор. Или как там сейчас правильно - редакторша, редакторка.

- Сука?

- Не то чтобы. Со странностями. Взять хоть тот же дедлайн...

Подходит официантка с приветливым вопросом в глазах.

- Значит, так, - вникает в меню Евгений. - Туборг большой светлый, а потом все равно же на водку перейдём? Давайте триста и мясную тарелку с огурчиками.

Девушка принимает заказ, уходит. Евгений смотрит в плазму телевизора, где идут новости спорта, замечает:

- Как «Спартак» вчера бездарно влетел, а?

- А я сразу говорил, что гнать нужно было этого тренера ещё после первого круга, - соглашается Сергей. - И главное, Федуна предупреждали же...

Продолжают бурно дискутировать о плачевном состоянии отечественного футбола.

- Что ж, у вас вполне приличное резюме, - снимает очки и отрывает глаза от бумаг редактор «Столичного Ревю». - Споёмся, как говорил персонаж одного популярного советского кинофильма.

- Уверен, Лидия Алексеевна, - солидно соглашается Евгений. - Есть ли в редакции какой-то внутренний регламент, который необходимо знать новообращённому корреспонденту отдела спорта?

- Нет, Женя, ничего особенного, - мило улыбается руководитель. - Желательно мыть за собой посуду на кухне, выпивать умеренно и не в ущерб работе, сдавать материалы в строго оговорённый срок.

- «Нарушенный дедлайн смывается кровью», как шутили на моём прежнем месте работы, - удачно вспоминает самолично придуманную остроту Евгений.

- Примерно так, - ответно улыбается Лидия Алексеевна. - Приятно поговорить с понимающим человеком. Завтра и приступайте. Удачи.

Евгений торопится в присутствие, вбегает в вестибюль, сталкивается у вертушки охраны с начальником отдела.

- Женя, тебя жду, - озабоченно говорит непосредственный руководитель. - Пошли со мной, быстро-быстро.

- Слушай, Юра, я только сегодня тебе там в папку номера сбросил репортаж финала чемпионата по городкам, - виноватится журналист. - Времени до засыла достаточно, успеем. Зато фактуру эксклюзивную нашёл, утрём нос «Спортивному вестнику».

- Ты сорвал дедлайн, - на ходу строжится юный редактор отдела. - И на прошлой неделе успел в последнюю минуту. Нельзя так, Женя.

- В последний раз, старик, честное слово.

- Надеюсь.

Они уже спустились по лестнице в подвал, прошли двумя коридорами и остановились перед модной металлической дверью.

- А чего у нас здесь? - с любопытством осматривается Евгений.

- Увидишь, - лаконично отвечает Юра.

Придирчиво осматривает корреспондента, поправляет ему воротник, одёргивает засученные рукава. Коротко стучит в дверь, которую изнутри открывает симпатичная менеджер отдела рекламы Лиля.

- Юра, до дедлайна оставалась минута, - говорит редактор издания с некоторого подобия небольшой сцены, на которой за длинным столом расположились лицом к залу члены редколлегии.

- Но успели же, Лидия Алексеевна, - радостно улыбается Юрий.

- Хорошо, начнём. Прощу, Пётр Филимонович.

Пока вновь прибывшие протискиваются на свободные от остальных членов коллектива стулья в странном зале, ответственный секретарь Пётр Филимонович удаляется за дверь в глубине помещения, через минуту возвращается, ведя за плечи человека с холщовым мешком на голове и связанными руками. Усаживает его на отдельный стул, установленный в промежутке между рядами, где сидит коллектив редакции, и сценой президиума. Вопросительно смотрит на Лидию Алексеевну, та разрешительно кивает. Снимает мешок, под которым оказывается голова обозревателя отдела политики Игоря Семашина. Известного журналиста, хипстера и сильно пьющего мужчины, любимца юных практиканток — легенду столичной прессы, проще говоря.

- Вы же не всерьёз? - хрипло спрашивает мэтр пера.

- Вы в курсе Игорь Семёнович: два сорванных дедлайна — в итоге хуже колумбайна, - стальным голосом отвечает Лидия Семёновна. - Верно, коллеги? Зал негромко начинает скандировать: «Два дедлайна — хуже колумбайна, два дедлайна — хуже колумбайна». Пётр Филимонович засовывает кляп в рот проступившемуся, возвращает ему мешок на голову. Евгений сидит с открытым ртом: о такой гражданской казни за нарушение трудовой дисциплины он ещё ни разу не слышал. Хотя повидал журналистских нравов, конечно.

Редакторша поднимает руку, останавливая хоровую процедуру. Интересуется у президиума:

- Кто сегодня исполнитель?

- Вчера Евгений Колчин сорвал первый дедлайн, - сообщает первый зам Трушников. - Удачно, без жребия нынче обойдёмся.

- Подходите, Женя, не стесняйтесь, - приглашающе машет рукой Лидия Семёновна. - Тут все свои.

Пока Евгений в состоянии, близком к прострации, пробирается на авансцену, девочки-верстальщицы споро застилают пол под стулом обозревателя Семашина большим куском полиэтилена.

- По установившейся традиции, палачом падшего дедлайнера становится журналист, сорвавший первый свой дедлайн в стенах этой редакции, - торжественно провозглашает ритуальную фразу редакторша и демонстративно выкладывает на стол большой чёрный пистолет. - Как урок того, что второй такой проступок станет для него последним.

- А? - спрашивает Евгений.

- Бэ, - отвечает хамоватый по жизни отсек. - Вот, держи.

Протягивает отсверкивающий бритвенной остротой обычный топор.

Показывает направление удара:

- Вот так, отсюда — сюда. Мощно, резко — не эрделю хвост купиреум.

Гуманно чтоб.

- Не буду, - мотает головой Евгений.

- Каждый имеет право отказаться от процедуры, - провозглашает вердикт Галина Алексеевна. - В таком случае преступник и палач меняются местами.

Приговоренный к усекновению главы Семашин радостно мычит и активно кивает этой самой главой в мешке.

- Обязана повторить вопрос: вы отказываетесь от участия в качестве исполнителя? - взводит затвор пистолета редактор.

- Нет, - хрипит пересохшим горлом Евгений.

Берёт из рук Петра Филимоновича топор с невнятной мыслью «резиновое лезвие, не иначе», делает два быстрых шага к приговорённому и без задержки рубит по указанной траектории.

Стул со Семашиным падает, из глубокой раны на шее бьёт кровавый фонтан.

Ответственный секретарь деловито наклоняется и уверенным движением перерезает ножом горло, прекращая неприятные сучения ногами казнённого.

Сквозь ватные аплодисменты коллектива Евгений слышит одобрительный голос отсека: «Ловко ты его, Женька. А так с виду и не скажешь».

- Всё, друзья, пора за работу, сдачу номера никто не отменял. А членов редколлегии и Евгения прошу на традиционный фуршет по случаю нерушимости трудовой дисциплины.

В небольшой комнате за сценой стол накрыт шампанским, пластиковыми стаканами и немудрёной закуской из ближайшего Макдональдса.

- Вы у нас уже два месяца ведь работаете? - протягивает бутерброд Евгению редакторша. («Нет, всё-таки редакторка», - поправляет свою мысль новообращенный исполнитель редакционных приговоров).

- Три уже скоро.

- Ну вот за то, чтобы были и четыре, и год, и ещё много-много лет. Без срывов дедлайнов, конечно. Не будет срывов, Женя?

- Не будет.

Собравшиеся культурно отдыхают, обсуждают внутриредакционные проблемы, текущую политическую повестку, футбол.

- Нет, Пётр Филимонович, Черенков в восемьдесят шестом за сборную не играл,

- автоматически поправляет ответственного секретаря Евгений. - И манию преследования у него врачи зафиксировали за два года до чемпионата в Мексике. А футболист отличный был, конечно. Лучший в «Спартаке».

ЗАВЕТНЫЙ КАМЕНЬ

Медленно крутится ворот, вытягивая из квадратного провала будущего колодца ведро с землёй. Зинаида подхватывает ведро, высыпает скользкую глину на грязно-жёлтую кучу. Снимает платок, вытирает мокрое от пота лицо, громко спрашивает в яму:

- Обедать пойдём ли, Сеня? Второй час уже.

- Ну так лестницу подавай, - отвечает Семён.

Зинаида поднимает неподалёку лежащую на земле самодельную деревянную лестницу, спускает её мужу.

- Ведро смайнай-ка, - подаёт голос Семён.

- Зачем?

- Да вот камень тут ладный подвернулся, аккурат на гнёт в кадку с рыжиками.

Супруга вздыхает, раскручивает ворот, опускающий в колодец пустое ведро.

Слышно как Семён с напряжением и лязгом загружает что-то в оцинкованную ёмкость. Наконец даёт команду:

- Воздымай, Зина!

- Чего?

- Э-э, тащи!

Зинаида с трудом выкручивает на поверхность ведро с камнем необычного цвета и формы, отдуваясь, ставит рядом на землю. По лестнице выбирается из колодца и Семён.

- Пошли, что ль, - поторапливает его супруга.

- Суэта это и тлен, - объясняет Семён свою неспешность.

- А?

- Не Бог ли ты, Зинаида? - задумчиво смотрит на растерянную супругу. - А пожалуй что и Бог.

- Сеня, ты что?

- Вопрос в том, ты ли создала камень, который смогла поднять?

- Умом двинулся, - хлопает себя по бёдрам Зинаида. - Или ты, оглашенный, в колодец с собой бутылку прихватил? Я ж её вчера ещё в сенки спрятала. Нашёл, подлец какой!

- Нет, скорее ты случайное всемогущее, - не отвечает на глупую истерику Семён.

- Частный случай парадокса всемогущества.

- Я тебе, блять, покажу сейчас парадокс! - Зинаида в сердцах хватает ведро, из которого вываливается камень, замахивается ведром на мужа. - А ну!

Внезапно её внимание привлекает доставленный из колодца предмет.

- Ой, а чего здесь? - рассматривает рисунок на поверхности. - Как будто змейка хвост свой кусает. Прелесть какая. Сень, так может это важный камень какой?

Может за него денег выручим в районе, а? Людке третий курс оплатить.

- Уроборос это, Зина, - печально замечает Семён. - Тайный символ философского камня.

- Хероборос, - не соглашается супруга. - Залил шары, философствует теперь тут. Пошли в избу, алкашня непутёвая.

Зинаида пихает мужа в спину, прихватывает подмышку каменную находку, чтобы приспособить дома к хозяйству. Камера крупно берёт пальцы на поверхности камня. Останавливается в некоторой задумчивости, замечает в спину Семёну:

- А ведь вы, коллега, не так уж и неправы.

- В чём же? - обращивается Семён.

- Бог существует вне законов логики, следовательно он может поднять камень неподъёмной тяжести, созданный им самим. Или несуществующий философский камень, что ещё более парадоксально.

- Не слишком ли вы, коллега, доверяете декартовой логике?

- Не слишком. Более того, нельзя считать ложным ваше первичное утверждение о свойственности мне функции Бога.

- То есть, вы уверены, что Бог познаваем доступным человеку инструментарием?

- Не стоит задаваться вопросом с дисфункцией дихотомичности...

Камера берёт со спины дискуссантов, которые уходят по тропке меж грядок высокого укропа к ладной деревенской избе. Семён беспечно помахивает ведром, где чуть блямцает философский камень.

ЗВЁЗДНЫЙ ПУТЬ

На небольшой скамейке у палисадника сидят двое. Вера смотрит за звёзды, Вериней голове удобно и приятно на крепком плече Алексея. За неширокой речкой руладствует соловей, перекрывая громкостью трелей песню «Маленький плот», доносящуюся с танцев в сельском клубе. Одна рука Алексея нежно гладит волосы девушки, другая нервно трогает её коленку.

- Если сейчас упадёт звезда, ты что загадаешь? - лукаво интересуется Вера.

- Звёзды не падают, - авторитетно отвечает Алексей. - Это метеориты, камни железные, бездушные.

- Ну пусть метеорит, всё равно желание можно загадать. Я бы тебе сказала какое.

- Так скажи.

- Нет, ты.

- Я бы «тойоту» загадал, как у Пашки.

Вера вздыхает, убирает руку Алексея со своего колена. Молчат.

- Вон, загадывай, - парень кивает на небо, которое прочерчивает отчётливый красный след.

- Загадала, - кивает Вера. - Долго летит-то как.

Нарастает мощный гул, след пикирует на село, оборачивается яркими сполохами. За речкой вздымаются клубы дыма, и наконец всё стихает. Из-за зарослей тальника виднеется обгорелый конус космического аппарата.

К шаткому мостику сбегается толпа местного населения из клуба и окрестностей, Вера и Алексей тоже подходят.

- Это чего было-то? - ошалело спрашивает у них Пашка-Тойота, протягивает ладонь. - Здорово, Лёха.

- Привет. А мне почём знать, - пожимает плечами Алексей. - Это она вот желание решила загадать.

- Молодец, девка, - встречает в разговор мелкий дедок в линялом пиджаке и светлой рубахе, застегнутой под горло. - Хорошо посадила, аккурат на поскотину.

- Ой, скажешь тоже, дядя Ваня, - отмахивается Вера.

Голоса в толпе резко стихают, потому что из-за тальника на мостик выходит человек в скафандре, шлем несёт подмышкой. На рукаве шеврон российского триколора. Оглядывает население, широко улыбается, подходит.

- Здорово, православные!

- Здорово, коли не шутишь, - в тон отвечает смелый Пашка.

- Закурить дай, - просит у него посланец небес, с наслаждением затягивается. - Где мы сели хоть, расскажите. А главное, год нынче какой?

- Год известно какой, - смело уходит от ответа дядя Ваня. - А сам-то откуда будешь?

- С Урала я, отец, - благодушно отвечает не пойми кто в скафандре. - С самого, значит, Нижнего Тагила. Потом, конечно, отряд космонавтов — ну и вот. Фёдор Степанов я. Слыхали, нет?

- Свой это, мужики, - выносит вердикт Пашка. - Почти что наш, курганский. Давай, садись вот сюда, рассказывай.

Космонавт присаживается на скамейку у палисада, слышит соловья, улыбается счастливо.

- Водицы бы настоящей колодезной, а? - обводит глазами полукругом стоящую толпу. - Страсть пить как охота.

- Щас я, дяденька, - срывается из первых рядов местный тинейджер Колька.

- Хорошо тут у вас, тихо. Соловей вот.

- Ты давай, Федя, обстоятельно нам докладывай, - гнёт свою линию дядя Ваня.

- Значит, не слышали про меня, - удручённо констатирует пришлый звездоплыватель. - Похоже, по времени промашка вышла.

«Чего он там бормочет?» - раздаётся законный вопрос из народа.

- И правда, давай-ка, Фёдор, по порядку, - присаживается к космонавту Паша, принимает у Кольки ковш с водой. - Попей-попей, а шлем давай подержу.

Фёдор Степанов отдаёт шлем тинейджеру Кольке, пьёт.

- Ох, хороша, зубы сводит, - возвращает ковш. - Как бы это вам попроще... В общем, после Третьей пандемии — была она у вас тут, нет? - решено было не ждать Четвёртой, окончательной, а отправить глубокую космическую разведку на поиск планет, пригодных для жизни. Летали мы, значит, четыре года на сверхсветовых скоростях, выполняли общепланетарное задание. Вот, вернулись.

- Нашли хоть? - с надеждой интересуется дядя Ваня.

- Нашли, целых три, - довольно докладывает землянам Курганской губернии герой космических пространств.

- Ура! - первой срывается в крик Вера.

- Ура! - подхватывает Алексей. - Качать его!

Наступает качка Фёдора и прочее общее ликование. Героя хлопают по скафандру, обнимают, фотографируются на смартфоны, наливают полстакана самогона. Внезапно праздник начинает сбавлять обороты, и когда сквозь задние ряды проходят в центр спонтанного торжества две фигуры, наступает общая тишина.

И немудрено, потому как один из вновь прибывших - чистый негр с американской эмблемой на скафандре, а другой не очень понятный, поскольку силуэт его дрожит и переливается радужным цветом, как бы плывёт на фоне ночного неба.

- Да, забыл совсем, - сконфуженно-радостно машет рукой нижнетагилец. - Это Гарри, командир международной экспедиции, а это Цкырзнук, представитель второй обнаруженной нами планеты. Прибыл на Землю для установления официального контакта и вручения дипломатического полипа — у них так положено. Прошу любить и жаловать.

«Хэллоу», - белозубо скалился негр. А эфемерный Цкырзнук делает что-то вроде книксена.

В нехорошей тишине дядя Ваня кивает на Гарри.

- Американец?

- Ага, - весело подтверждает Фёдор. - Представитель великой американской нации, легендарный астронавт и мой командир.

- Это хорошо, что американец, - подтверждает Пашка-Тойота и всаживает в горло негру свой выкидной нож. Кровь хлещет фонтанирующими толчками, как из старого садового шланга. Кто-то из толпы бьёт вырванной палисадиной по голове космонавта-исследователя Степанова. Видя такое дело, владелец дипломатического полипа растекается по росяной траве и быстро струится по мостику в сторону космодромной поскотины. За ним гонятся тинейджеры на велосипедах, возглавляемые Колькой в космонавтском шлеме, вооруженные кто палкой, а кто и солдатским ремнём...

Пока участковый Цибуляк пакует в узик бесчувственного космонавта Степанова, на скамейке делятся впечатлениями молодые патриоты страны в целом и Зауралья, в частности.

- Лихо ты этого Гарри вскрыл, - уважительно отмечает Алексей. - А я космонавта Фёдора сразу второй оглоблей и успокоил.

- Сука подпиндосская, хуже нет таких, - отдаёт Пашка-Тойота должное порыву Алексея. - Пандемию-хуйдемию какую-то приплёл.

- Натовцы это были, верно вам говорю, - дрожит от непрошедшего волнения Вера. - А этого-то гомиконоида найдут? А то мне страшно.

- Найдут, не бойся, - Алексей приобнимает Веру за плечи. - Цибуляк говорит, десантную бригаду подняли на поиски.

По звёздному небу пролетают тёмные силуэты армейских вертолётов. Со стороны ДК доносятся отзвуки песни «Батяня-комбат».

ПРИЧИНЕНИЕ

Алексей бежит по многолюдной улице, расталкивая прохожих, регулярно оглядываясь назад. Резко сворачивает в проулок и тормозит подошвами, уперевшись в грудь невысокого лысоватого человека неопределённого возраста. Лысоватый спокойно берет его за пуговицу пиджака, уверенно смотрит в глаза:

- Зря ты, Лёша. Я в этом городе родился, от меня убежать сложно.

- Оставь меня, Николай, не доводи до греха, - чувствуетея, что Алексей в панике.

- Да не вопрос, - соглашается Николай. - Только давай сейчас в последний раз проговорим твой случай. Выложишь свои аргументы, выслушаешь мои. Не согласишься — больше меня не увидишь. Ну?

- Не соглашусь. Говорили уже.

- Давай ещё раз. И всё на этом. Смотри, бар симпатичный. По пиву возьмём, тебе не помешает сейчас.

- И всё, и разойдёмся, да?

- Конечно. Если захочешь.

- Пошли, - Алексей азартно направляется в бар, Николай идёт за ним.

Сидят у окна, пьют пиво. Алексей смотрит на спешащих мимо бара людей, слушает Николая.

- Всё крафтовое пиво разливают в Одессе, на Малой Арнаутской улице... Так вот, Лёша. С чего началась твоя история, помнишь?

- С Вероники Первой.

- Да. Ты был тогда молод, глуп, неухожен и безответственен. Больно было на тебя смотреть чисто по-соседски. Вечный шалман, споры за полночь, курение на лестнице.

- Там ты мне её и подсунул.

- Что значит, подсунул? Аккуратная корзинка с бантиком, записка с именем котёнка, слёзная просьба приютить живую душу. Приютил?

- Приютил.

- Вот. И жизнь у тебя поспокойнее началась, дружки стали реже заглядывать. На человека стал походить, а не на чайник, кипящий идеями и водкой.

- Она мне две программы убила, когда кофейник на комп опрокинула. Практически готовые. Меня в Гугл готовы были пригласить.

- Не нужен тебе Гугл, Лёша. Ты же нормальный русский человек.

- Да чего уж теперь.

- Вот и я говорю. И Вероника тебе это постоянно внушает. Вторая.

- И за неё тебе спасибо отдельное.

- Не благодари. Это был твой выбор.

- Не было у меня выбора.

- Правильно. А почему? Потому что девки к тебе ходили исключительно оторванные. Я ни одну без пирсинга не встречал. И тех по пальцам можно перечесать - всё больше придурки какие-то волосатые. Я уж часом заволновался, что они тебя в гея обратят.

- Тут-то и зашла Вероника за солью. И имя ведь как у кошки, надо же. Всё ты верно рассчитал.

- Так душа же за тебя болела, Лёша. А девушка хорошая, из Тамбова. Мы с её матерью один сельхозтехникум оканчивали, что ты. Красивая девушка, добрая, готовит хорошо. Да что я тебе.

- Молодец. Две Вероники — это не одна Вероника.

- Конечно. Вот ты и пить уже почти бросил, и курить не куришь. И в школе на хорошем счету.

- Это да, это ты очень помог мне из компьютерного гения в педагога обратиться.

- А я всегда для людей. Для близких, конечно. Чужие мне без интереса, а вот для своих что угодно сделаю. Я ж не просто так, мне Вероника рассказала, что переживаешь ты за зарплату малую, мечтаешь опять к компьютерам своим. Вот я и договорился.

- Чтoб, значит, я в ментуру устроился. В центр «Э».

- Так если у меня там одноклассник уже в полковниках. Ждут тебя там завтра в кадрах, Лёша. Я ж тебе только добра желаю.

- Если б ты его только желал. Ты же его причиняешь. В особо крупных размерах.

- Пусть так. Сам потом спасибо скажешь. Так я звоню, что ты придёшь завтра?

- Звони.

Николай достаёт телефон. Алексей допивает пиво, вскакивает из-за стола и выбегает из кафе. Николай смотрит как тот опять мчится по улице, вздыхает, рассчитывается и начинает одеваться.

СНЕЖАНА

На парковой скамейке в тени тополя щурится на солнце сквозь листву Иван. Ему хорошо, спокойно, он подписал важный контракт и сейчас наслаждается текущим приятным моментом бытия. У фонтана играют ребятишки, под зонтом разместилась продавщица мороженого, на соседней скамейке пенсионеры играют в шахматы, пролетает тополиный пух. Мирная милая точка существования вне повседневной суеты этого сурового и яростного мира. К Ивану приближается относительно молодая женщина, присаживается на скамейку. Выглядит она не то что нелепо, но немного странно. В этот теплый летний день на ней широкополая шляпа, плотные перчатки, большие солнцезащитные очки. Смотрится довольно нервно, настораживающе.

- Извините, - обращается незнакомка к Ивану. - Вы не могли бы купить мне мороженое? Вот деньги.

- Какого? - легко соглашается не портить себе настроение Иван, решив не уточнять, отчего бы ей самой не купить это ебучее мороженое.

- Любого, - кокетливо улыбается мадам (или мадемуазаль, хрен их поймёшь). - Восемь порций.

- Хорошо.

Иван идёт к передвижному холодильнику под зонтом, покупает восемь эскимо под насмешливо-понимающим взглядом продавщицы мороженого. «Сука», - мелькает безотчётная мысль про нахальную торговку. Возвращается на скамейку в уже привычном чуть подвздёрнутом настроении. «Хорошо же сидел», - успевает пожаловаться самому себе.

- Держите, - протягивает пакет с эскимо. - Вот сдача.

- Спасибо, - благодарит женщина и жадно откусывает сразу половину мороженого. - Веня вынвана вовут.

- Что, простите?

- Меня Снежана зовут, - проглотив сладкий холодный кусок, повторяет соседка по лавке. - Вы меня очень выручили.

Тут же снимает ртом с палочки остаток эскимо и сразу разворачивает фольгу со следующего.

- Иван, - вежливо представляется Иван. - Не простудитесь?

- Вед, - отрицательно качает головой Снежана. - Наоборот.

Расправившись со вторым эскимо, открывает третье. В перерывах между быстрым жеванием и глотанием холодномолочного продукта поясняет:

- Меня дедушка так учил мороженое есть, если приспичит.

- В каком смысле, приспичит?

- Если окажусь в неудачное время в неудачном месте. Как сейчас.

Снежана быстро доедает последнее эскимо.

- Ну что вы. Смотрите, день какой замечательный, солнышко светит, - Иван поводит рукой, приглашая к совместной радости окружающему миру

Снежана непроизвольно бросает взгляд на небо, ойкает, морщится, лихорадочно роется в сумке.

- Иван, миленький, принесите мне быстро ещё мороженого, умоляю! Наличные кончились, купите на свои. Сразу же дойдём до банкомата, верну.

- Да что с вами такое?

- Быстрее, прошу! - Снежана достает из сумочки большую пудреницу, в которой, похоже, блестят кристаллы льда, и начинает лихорадочно штукатурить лицо, подбирая стекающую вниз с лицевой кости щёку. - Дедушка вас потом найдёт, наградит. Или наоборот. Спешите!

Испуганный Иван бежит к мороженщице, достает бумажник.

- Три эскимо,

Продавщица лениво отсчитывает сдачу, открывает дверцу горизонтального холодильника, замирает. Смотрит за спину Ивана, крепко хватая его за рукав, кричит.

- Уби-ил! Держите его!

Стоящий в очереди крепкий мужчина на всякий случай заламывает ему руку.

Прижатый лицом к холодильнику, Иван видит, как у завалившейся на скамейку Снежаны отваливается голова и растекается по городскому нагретому асфальту. За стеклом холодильника в инее крупно лежат эскимо, пломбир, крем-брюле. На упаковке мороженого весело улыбаются Дед Мороз со Снегурочкой.

КОДА

В подземном переходе поздним вечером играет трио — гитара, перкуссия и скрипка. Могут, в принципе, и Альбиони, но играют Шнура: без фанатизма в виде «Лабутенов», а нежный инструментал из «Бумера».

Из света в конце (или в начале) тоннеля прорисовывается силуэт. Силуэт продвигается в сторону музыкантов всё ближе и ближе, наконец превращается в мужчину, одетого неброско, но с намёком на элегантность. Прохожий останавливается, слушает, раскуривает сигару. После финала несколько раз обозначает одобрительный аплодисмент, кладёт в раскрытый скрипичный футляр стодолларовую купюру. Она выглядит среди рублёвых сотен и разноцветной мелочи солидно, как Гребенщиков в окружении танцоров Омского народного хора. Мужчина курит, не уходит.

Музыканты переглядываются, гитарист берет начальные аккорды «Greensleeves». Печальная композиция звучит в холодном кафельном пространстве несколько зауспокойно, но в полной гармонии с окружающим временем и пространством. Прохожий слушает внимательно, сочувственно и выплачивает гонорар в виде ещё одной 100-долларовой купюры.

- Мужик, мы и на заказ можем, - аккуратно предлагает вариант продолжения взаимовыгодного сотрудничества Скрипка.

- Хоть из Стинга, хоть из Кадышевой, - подтверждает Гитара. Перкуссия утвердительно кивает несколько раз.

- Нет-нет, прошу на ваше усмотрение, - мужчина садится на пол у противоположной стены, вытаскивает из кармана початую плоскую бутылку дорогого алкоголя, делает глоток, ставит её на асфальт рядом с собой, достаёт бумажник, заглядывает в него, ожидает продолжения концерта.

Воодушевлённые музыканты играют одну композицию за другой: и Дэйва Стюарта про девушку с саксофоном, и Никольского про осадок зла, и Моцарта про турков, и Никитиных про дырочку в правом боку. По щекам выпивающего прохожего текут крупные слёзы, горка бумажных нерусских денег в скрипичном футляре растёт, как сугроб в февральскую метель.

Наконец мужчина встаёт, вытирает слёзы.

- Вы лучшие. И люди прекрасные, и музыка нечеловеческая.

- Правда? - растроганно спрашивает Гитара.

- Правда, - отвечает щедрый прохожий, достаящий из внутреннего кармана пистолет с глушителем. - Не место вам тут. Нехуй.

Делает три выстрела. Музыканты удивлённо смотрят на свои мёртвые тела.

- Пошли, пошли, - мужчина обнимает их за плечи и влечёт к ярко освещённому выходу из подземного перехода.

Торжественным трубным гласом звучит мощно оркестрованная мелодия про ёжика с дырочкой в правом боку.

АНГЕЛ

Художник Иван Гольцев задумчиво смешивает краски на палитре и аккуратно, в пуантилистической манере, делает точечные мазки на холсте. Из крупного плана полотна сложно понять, что изображает живописец: может быть, портрет, или натюрморт, или батальную сцену, или, простигосподи, постмодернизм какой. Художник сосредоточен до степени высуности кончика языка, в ней же он идёт, регулярно оборачиваясь, ко входной двери мастерской по требовательному приглашению дверного звонка.

Открывает дверь, видит разбитного вида девицу старшего аспирантского возраста с заплечным рюкзаком, крутящую в руках незажжённую сигарету.

- Зажигалка есть? - голос у незнакомки низкий, с приятной хрипотцой.
Иван хлопает по карманам, вспоминает:
- Есть там, - идёт обратно в мастерскую.
Девушка, поразмыслив пару секунд, следует за Гольцевым.
- Где-то здесь была, сейчас, - художник поднимает на столе листы с набросками, журналы. - Вот, пожалуйста.
- Красивый, - незнакомка смотрит на мольберт с начатой картиной, не видимой зрителю. - Как живой.
- Да тут ещё работать и работать, - смущённый неожиданной похвалой художник придвигает девушке стул, та садится, прикуривает, осматривает антураж мастерской.
- Я Иван, а вас как зовут?
- Уриэль.
- Красивое имя.
- Обычное в нашем мире.
- А вы, простите, откуда будете?
- Южнее Воронежа., - Уриэль продолжает смотреть на подрамник, ищет куда затушить сигарету, Гольцев протягивает пепельницу. - Спасибо. Только геометрия крыла, мягко говоря, неточна.
- На орнитолога учились? - несколько обиженно спрашивает Иван.
- Нет, в МАИ, - рассеянно отвечает посетительница. - Это неважно, важно исполнение. Вам доверили, а вы халтурите. Он же так упадёт сразу, подъёмная сила не сработает.
- Сработает. Я художник, мне виднее. И кто, интересно знать, мне поручил его написать? Я и не помню, когда заказ последний раз получал.
Уриэль внимательно смотрит на Ивана, как будто в сомнениях, продолжать ли разговор дальше.
- Он и поручил, как всё, всегда и всем поручает.
- Понятно. Вам, кажется, уже пора. Пойдёмте, провожу, голубушка. Вас, кстати, как можно уменьшительно называть, попроще?
- Да как хотите. Можете Уриилом. Нельзя же так, вы весь замысел погубите. Это не крыло, это плавник кистепёрой рыбы какой-то. Да я вам сейчас покажу.
- Не надо мне ничего показывать! Покурили? Милости прошу.
Уриэль гневно вспыхивает, начинает снимать рюкзак.
- Стоять! Смотреть! Запечатлеть!
Из-за спины Уриила распахиваются два ослепительных крыла. Иван в сомнамбулическом состоянии своего мятежного творческого духа подходит к мольберту и начинает лихорадочно делать размашистые мазки.
- Да нет же, бестолочь! - орёт странная девушка с изменившимся в мужскую сторону лицом. - Я же тебе показываю! Здесь принцип закрылок, видишь? Вот. Во-от! Можешь же когда захочешь. Ладно, дальше сам тут.
Уриил собирается надеть рюкзак, передумывает, распахивает окно и улетает в звёздную ночь.
Художник замедляется, делает последние мазки, отходит на пару шагов от картины, придирчиво смотрит, стряхивает наваждение:
- Да, так лучше.
Камера крупно берёт холст, на котором по небу полуночи ангел летит. Ничего такой ангел, стремительный, дельный.